

3. Женевская встреча на высшем уровне

«Обходной маневр» через Европу удался на славу — европейцы теперь ждали шагов навстречу компромиссу в большей степени со стороны США. И американцы не могли с этим не считаться. Но и просто «обойти» Америку СССР не мог — она была лидером западного мира. По словам Шеварднадзе, «как не крути — выходило, что без нормализации советско-американских отношений мы ничего не добьемся»⁵⁶. Горбачев стремился к личной встрече с Рейганом. Он не считал, что обязательно необходимо достичь на ней каких-то глобальных сдвигов. Важнее было показать американцам, что с новым советским руководством можно иметь дело, прощупать Рейгана на способность к уступкам при условии взаимности. Генсек дал указание МИДу не ввязываться в идеологические дискуссии и не блокировать подготовку к встрече из-за мелочей⁵⁷. Сразу после назначения Шеварднадзе СССР и США наконец согласовали сроки встречи на высшем уровне. «В период с августа до встречи в верхах в ноябре своеобразно переплетались в наших отношениях два направления: продолжались разные конфронтационные стычки и пропагандистские обвинения и контробвинения и одновременно велась подготовка к встрече...»⁵⁸ — вспоминает посол Добрынин.

28 августа Горбачев констатировал значительное ухудшение отношений с США за последние два месяца⁵⁹. Американцы не только проигнорировали несвоевременное для их программы испытаний советское предложение о моратории, но и объявили о первом испытании противоспутникового оружия. «Не буду скрывать, — говорил Горбачев, — я разочарован и обеспокоен происходящим. У нас не может не вызывать озабоченности тот подход, который, как мне кажется, начинает складываться в Вашингтоне, — ...сценарий натиска, попыток зажать нас в угол, приписать нам, как это не раз уже бывало, все смертные грехи: от развязывания гонки вооружений и до “агрессии” на Ближнем Востоке, от нарушений прав человека до каких-то козней, даже в ЮАР. Не государственная политика, а какие-то лихорадочные поиски “нечистой силы”»⁶⁰. Позиция Горбачева оставалась непоколебимой: «Не будет запрета на милитаризацию космического пространства, не будет предотвращения гонки вооружений в космосе — так и вообще ничего не будет»⁶¹. «Когда разговор доходил до СОИ, для Горбачева ужасной была сама мысль о том, что мы должны включиться в эту гонку вооружений на уровне Стратегической оборонной инициативы, пытаюсь сделать то, что и США: космические программы, космическое оружие и т.д.»⁶², — вспоминал А.Бессмертных.

Свою мысль Горбачев продолжал в письме к Рейгану 12 сентября: «Договоренность о немилитаризации космоса — это единственный путь к самым радикальным сокращениям ядерных вооружений»⁶³. Единственный. В этом же письме Горбачев подтвердил цену СОИ: «Мы еще раз со всех сторон очень тщательно обдумали, что можно было бы тут сделать. И хочу предложить Вам следующую формулу: стороны договариваются полностью

запретить ударные космические вооружения и действительно радикально, скажем на 50 процентов, сократить свои соответствующие ядерные вооружения»⁶⁴. Речь шла о ракетах сверхдержав, достигающих территории друг друга и об ограничении числа боеголовок шестью тысячами. В середине 1985 г. в Министерстве обороны уже был готов конкретный план ликвидации ядерного оружия в мире к 2000 году⁶⁵. Вскоре Горбачев предложит также заключить соглашение по ракетам среднего радиуса действия отдельно, вне связи с другими проблемами. Горбачев предлагал также отказаться от обновления ядерного оружия СССР и США в зарубежных странах и от размещения его в новых странах. В то же время СССР объявил односторонний мораторий на испытания противоспутникового оружия, признав в косвенной форме, что ранее такие испытания планировались. Однако Рейган твердо решил не отказываться от СОИ, справедливо расценив заявления советской стороны как признак слабости. В то же время «в печати была развернута кампания с целью создать впечатление, что в создании системы стратегической обороны достигнут уже весьма существенный прогресс, чего на самом деле не было», — пишет П.Швейцер⁶⁶. Еще летом 1985 г. Рейган признался Тэтчер, что «пока не очень ясно, к чему приведет исследовательская программа, и удастся ли создать работающую систему вообще»⁶⁷.

Рейган все еще смотрел на предложения Горбачева как на пропагандистскую игру⁶⁸. Впервые он чувствовал, что инициатива уходит из его рук, что новый советский лидер набирает агитационные очки, что он перешел в наступление и ведет против Рейгана «настоящую пропагандистскую войну»⁶⁹, — как сказал советскому послу Макфарлейн. И Президент продолжал ее — он согласился на сокращение вооружений и заверил своего оппонента, что не собирается нарушать договор по ограничениям противоракетной обороны (ПРО)⁷⁰. То есть, иными словами, США вели разработки в области космических вооружений, но не собирались создавать космическое оружие в будущем. Естественно, что Горбачев не верил Рейгану.

Американцы продолжали пропагандистскую игру. «Относительно СОИ Уильям Кейси и директор Агентства по контролю над вооружениями Кеннет Эйдельман выдвинули сходную инициативу, которая ни к каким конкретным результатам не вела, но в то же время была весьма полезной при ведении переговоров. По их замыслу, Рейган должен был выступить с предложением “открыть лаборатории”, ведущие разработки по тематике “звездных войн”»⁷¹, — пишет П.Швейцер. Советники Рейгана прекрасно понимали, что их предложения «не ведут к конкретным результатам». Было решено «валить Ваньку», поскольку время работало на США, и реальные договоренности могли облегчить положение СССР. Предложение о создании «системы совместного перехода к повышению надежности обороны», то есть коллективной СОИ, Рейган сделал 31 октября⁷². Перед кремлевским руководством встала дилемма — довериться ли американцам, лидировавшим в этой области, и благословить разработки, которые могут привести к созданию новой системы коллективной космической безопасности, или продолжать настаивать на отказе от работ. Первый вариант был рискован — если

барьер договора об ограничении ПРО будет сломан, американцы могут использовать разрешение на проведение работ и испытаний для создания своего оружия, которое сделает весь ядерный щит СССР бесполезным. Взвесив возможности контроля за американскими работами в этой области, в Москве пришли к выводу, что контролировать их характер не удастся, и под предлогом «совместной» системы может быть разработана сугубо американская. «Советские люди, прожившие 40 лет в окружении американского оружия “передового базирования”, — говорил Горбачев, — решительно отвергают саму возможность его распространения в космос, саму перспективу иметь его над своими головами, над своими жилищами»⁷³. Компромиссные или резервные, «отходные» варианты не предусматривались. Работник ЦК и будущий помощник Горбачева А. Черняев комментировал в дневнике: «Мы недалековидно завязались на военно-космических исследованиях в США, требуя их прекращения в качестве условия продуктивности Женевы. И здесь они нас загонят в тупик. Горбачев лично теперь заангажирован на этом требовании. И если ему придется спасать Женевские переговоры, то он будет отказываться от своего (а не громыковского) “условия”»⁷⁴. Но Горбачев не собирался ни от чего отказываться (в том числе и от линии Громыко, с которым Генсек еще согласовывал внешнеполитический курс). Женевская встреча планировалась как «разведка боем», и с нее можно было вернуться без значительных результатов. Позднее Горбачев признал, что «мы хорошо представляли реальную обстановку и не питали ни малейших иллюзий насчет американской политики. Видели, насколько далеко зашла милитаризация экономики и даже политического мышления этой страны»⁷⁵. Публично, однако, Горбачев призывал американцев «основательно провести подготовку нашей встречи в Женеве, с тем чтобы уже в ходе этой подготовки и на самой встрече заложить хорошие кирпичи в здание будущего мира»⁷⁶.

Тяжело было договориться о взаимодействии в культурной сфере. США стремились пробить новые бреши в «железном занавесе» на уровне идей, а СССР — на уровне научно-технической информации. В записке МИД, МО и КГБ, подготовленной к Женевской встрече, говорилось: «У них стратегическая цель: не меняя существа своей нынешней жесткой политики в отношении нас, получить больше возможностей для непосредственного идеологического воздействия на советских людей. Отсюда упор на доступ к телевидению, на широкие молодежные контакты и т.д. Мы, в свою очередь, предложим то, что считаем выгодным для себя (например, исследования термоядерного синтеза)»⁷⁷. Так формировались правила будущей торговли времен Перестройки — внутренний плюрализм в обмен на «ноу хау».

Дипломатам, готовившим встречу двух президентов, пришлось продираться через завалы недоверия и идеологических предрассудков. По словам Э. Шеварднадзе, «непреодолимые, как казалось в 1985 г., сложности возникали и в личном, психологическом плане. Почти всегда это был разговор глухих. Все советско-американские контакты начинались со взаимного предъявления претензий и обвинений. Хорошо утоптанная дорога, которая никуда не вела. Нас и американцев разделяли стены, сложенные из глыб

недоверия и булжников идеологии. Неверно, что чрезмерно идеологизированными подходами грешили только мы, советские представители. Личные встречи с президентом Рейганом — а их у меня было немало, что-то около дюжины, — дают мне полное основание утверждать это... Едва ли не каждую из них он начинал с чтения “обвинительного заключения” в адрес Советского Союза, где пункты обвинения были обильно прослоены вольными истолкованиями цитат из основоположников марксизма. В большом ходу были также Алексис де Токвиль и американские “отцы-основатели”⁷⁸.

Осенью 1985 г. президент США тоже не собирался идти на уступки. Отправляясь в Женеву, Рейган написал в дневнике: «В общем, это будет история о том, как непреодолимая сила встретилась с несдвигаемым объектом»⁷⁹. На позицию Рейгана в Женеве повлиял скандал, разразившийся в канун встречи. В «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано приватное письмо, направленное президенту министром обороны Уайнбергером, в котором критиковалась перспектива соглашения с Горбачевым. Это событие, которое Рейган связал с сознательной утечкой информации из Пентагона, скрывало президента в Женеве, но в то же время вызвало охлаждение его отношений с «ястребами», что имело далеко идущие последствия⁸⁰.

Перед переговорами советская сторона снова продемонстрировала свою готовность идти на частные уступки — был разрешен выезд в США нескольких советских граждан, состоявших в браке с американцами. Это было воспринято Рейганом «как позитивный сигнал накануне встречи»⁸¹. Направляясь на встречу, Горбачев уже знал, что значительных сдвигов добиться не удастся⁸². Но он шел в решающее сражение «холодной войны», которое предопределило ее завершение в ближайшие два-три года.

Первые переговоры Горбачева и Рейгана проходили на вилле «Флер д'О» у берега Женевского озера 19—20 ноября 1985 г. В них участвовали с советской стороны М.Горбачев, Э.Шеварднадзе, помощник Генсека А.Александров-Агентов, А.Яковлев, замминистра иностранных дел Г.Корниенко, посол А.Добрынин, заведомо ЦК Л.Замятин. «Как мне стало известно позднее, американцы хотели определиться, насколько права госпожа Тэтчер, расхваливавшая Горачева, тот ли он человек, “с которым можно иметь дело”. Думаю, это главное, что их интересовало. Вполне понятная задача для первой встречи»⁸³. Горбачев смог произвести на Рейгана благоприятное впечатление, используя свои способности очаровывать людей: «В облике Горбачева было что-то притягательное. В его глазах и манерах чувствовалось тепло, а не холодность, граничащая с неприязнью, которую я наблюдал у большинства советских руководителей, с которыми до сих пор встречался». Ознакомительная встреча продолжалась почти час, «и нам удалось растопить лед»⁸⁴. По воспоминаниям заместителя Министра иностранных дел Г.Корнеева, «Горбачев ни на минуту не проявил колебаний насчет того, что надо, исходя из интересов дела, а не из личных симпатий или антипатий, попытаться поладить с американским президентом, каков бы он ни был, а не дожидаться прихода нового, как рассуждал кое-кто из его советчиков»⁸⁵. Личные впечатления о Рейгане, которые Горбачев высказывал

тогда в кругу своих были весьма критичны: «В политическом плане это не просто консерватор, а “динозавр”»⁸⁶.

В первый день переговоров Рейган, по словам Горбачева, «явно “рвался в бой” — я потом узнал причину: американцы в соответствии с задуманной тактикой рассчитывали огласить заготовки, чтобы, так сказать, навязать нам свою игру»⁸⁷. Горбачев принял вызов. Отложив в сторону сложные заготовки по военно-техническим вопросам, он повел свободный разговор⁸⁸, где как раз был сильнее противника. Уж говорить-то Горбачев умел. Его позиции будут слабее, когда на будущих встречах дело дойдет до технической конкретики.

«Поначалу это был скорее диспут “коммуниста № 1” с “империалистом № 1”, чем деловой диалог руководителей двух самых мощных государств. Я как мог отбивался от обвинений в нарушении прав человека, хотя не всегда был уверен в своей правоте. Он, в свою очередь, отвергал мои оценки роли ВПК в США, в существовании мощной пропагандистской машины, ведущей подрывную работу против СССР. И уже мы оба с жаром возлагали друг на друга ответственность за сумасшедшую гонку вооружений, поставившую мир на грань катастрофы»⁸⁹. «Горбачев сказал, что он верит, будто американские производители вооружений являются препятствием на пути к миру с американской стороны: они, дескать, наш правящий класс, как он заявил, и это они настраивают наш народ против Советов просто потому, что хотят продать больше оружия», — вспоминал Рейган⁹⁰. По словам американского президента, Горбачев доказывал, «что у нас не было причин относиться подозрительно к советским людям — они миролюбивые и славные граждане»⁹¹. Собственно, этот аргумент как две капли воды был похож на утверждения Рейгана об американской стороне. Опровергая собеседника, Рейган залез в исторические дебри, которые мало волновали Горбачева. Вскоре «образовалась пауза, и я предложил Горбачеву прогуляться вдвоем к лодочному домику, чтобы глотнуть свежего воздуха и поговорить. Я не успел закончить, а он уже выпрыгнул из своего кресла»⁹². Оба лидера рассчитывали использовать этот разговор (первый в серии женевских встреч тет-а-тет) для продолжения агитации, но уже более откровенно — без присутствия «бюрократов», которые не дают оппоненту согласиться с такими очевидными (с точки зрения говорящего) доводами. По словам Добрынина, «оба верили в свою глубокую индивидуальность и в свою способность убеждать других, причем возлагали большие надежды на беседы наедине»⁹³.

Уединившись (с поправкой на переводчиков) с Горбачевым в беседке, Рейган начал с того, что подчеркнул то общее, что объединяло двух лидеров: «Вот мы, сказал я, два человека, родившиеся в незаметных деревеньках, затерянных на просторах наших стран, оба были бедны и в стесненных условиях. А теперь мы лидеры наших государств и, возможно, два единственных в мире человека, которые могут довести дело до третьей мировой войны»⁹⁴. Не только происхождение, но и мировосприятие обоих лидеров было очень близким, что как раз и мешало им понять друг друга. «Продолжение нашего разговора возле ярко горящего огня убедило меня в истинно-

сти моих подозрений о том, что в головах советских руководителей глубоко укоренился некий страх и предубеждения в отношении Соединенных Штатов»⁹⁵. Но точно такой страх и предубеждения существовали (и тоже не беспочвенно) «в головах» американских руководителей в отношении Советского Союза. Вряд ли Горбачева могли убедить слова Рейгана о том, что «мы не посягали ни на один народ или нацию, мы создали ядерное оружие только затем, чтобы воспрепятствовать советскому нападению»⁹⁶. То же самое мог сказать о своей стране и Генеральный секретарь.

Очень странно трактовал Президент и истоки недоверия между двумя странами — он видел их в отказе советского правительства предоставить посадочные полосы для американских бомбардировщиков во время второй мировой войны (кстати, американские самолеты садились во время войны на Украине в соответствии с договоренностью в Тегеране). «По словам Макфарлейна (помощник Президента по национальной безопасности — *А.Ш.*), историю с якобы отказом Сталина разрешить посадку в СССР американских бомбардировщиков Рейгану когда-то давно рассказал его старый друг из ВВС США, “которому он верит”, а в этих случаях, мол, бесполезно переубедить Рейгана. В этом отношении Макфарлейн был, пожалуй, прав, ибо, забегая вперед, надо сказать, как бы анекдотично это ни прозвучало, что год спустя, при встрече в Рейкьявике, Рейган начал вспоминать историю советско-американских отношений опять-таки с байки об отказе Сталина разрешить американским летчикам садиться на территории СССР как об исходной причине недоверия между двумя державами в послевоенный период», — вспоминает Г.Корниенко⁹⁷.

В беседах с Горбачевым Рейган затронул и проблему прав человека в СССР (в частности он пытался добиться выезда из страны музыканта Фельцмана), но встретил жесткое сопротивление: «Он не комментировал мои замечания, а пустился в критические рассуждения, утверждая в сущности, что нечего мне обсуждать права человека в Советском Союзе, потому что американцы живут в более худших условиях, чем советские граждане. Он процитировал высказывания одной из наших наиболее экстремистски настроенных феминисток, утверждавшей, что американские женщины буквально смешаны с грязью, и доказывающей, что мы обращаемся с неграми как с рабами. “Основополагающее право человека, — сказал он, — это право на труд”. В Советском Союзе у каждого есть работа, чего нельзя сказать о Соединенных Штатах. (Он не сказал, что советские люди не могут избрать себе работу, что они вынуждены делать все, что им прикажет правительство: если им вручали метлу, они начинали подметать.)»⁹⁸. Последнее замечание президента показывает, что его представления о советской социальной действительности в сущности были столь же примитивны, как и представления Горбачева о социальной действительности США. Времена Сталина, когда люди были «вынуждены делать все, что им прикажет правительство», давно миновали. Это касалось и США, которые далеко ушли от сегрегации, о которой упомянул Горбачев. По словам Рейгана, «в некоторых его словах была крупинка правды, но огромное количество “фактов”, которыми он вооружился и которыми авторитетно пользовался, говоря об

Америке, — такие, как обращение с неграми на Юге, — безнадежно устарели, и он не знал, например, о значительных улучшениях, достигнутых нами в области расовых отношений»⁹⁹. Похоже, консультанты обоих руководителей черпали информацию из экстремистско-диссидентских источников и впечатлений юности.

Горбачев вспоминал впоследствии о попытках Рейгана «давать нам уроки, наставления или выступать с прокурорскими обвинениями... Это мы отвергали с ходу. И в конце концов наладился действительно плодотворный диалог, который вывел на очень интересные решения»¹⁰⁰. Обнаружив друг в друге неведение о реальном положении дел в их странах, собеседники не отчаивались в намерении «вразумить» противника: «Я говорил о динамичной энергии капитализма...» — вспоминает Рейган, — «Горбачев всегда подчеркивал, что верит в коммунистическую систему, но, как он старался объяснить, были сделаны ошибки в управлении ею, и он пытается их исправить. Он был красноречивым спорщиком, равно как и хорошим слушателем, и, несмотря на наши разногласия, наш разговор никогда не приобретал оттенка враждебности — он стоял на своем, а я на своем... Он мог отпустить шутки в свой адрес и даже в адрес своей страны, и мне он нравился все больше... Ни разу во время наших частных бесед или пленарных заседаний он не высказал поддержку старой марксистско-ленинской идее о всемирном коммунистическом государстве или брежневской доктрине советского экспансионизма. Он был первым из знакомых мне советских лидеров, который не сделал этого»¹⁰¹. Возможно, Горбачев рассчитывал на то, что и Рейган откажется от своей экспансионистской доктрины и не откажет «реальному социализму» в праве на существование. Если так, то он ошибался.

От исторических экскурсов руководители перешли к главной проблеме переговоров — СОИ. Горбачев вспоминает о позиции американской стороны: «Была развернута аргументация в пользу решительного сокращения наступательных вооружений и одновременного перехода к оборонительным системам»¹⁰². Рейган обещал, что когда исследования принесут успех, США «откроют свои лаборатории перед Советами»¹⁰³, но Горбачев не верил ему. Горбачев вспоминал о своих сомнениях по поводу космических программ США того времени: «Что это: полет фантазии, прием, имеющий целью сделать СССР сговорчивым на переговорах, или все-таки не слишком ловкая попытка успокоить нас, а самым довести до конца безумную идею — создать щит, позволяющий безболезненно нанести первый удар. В моем распоряжении были оценки ученых, каскад аргументов Рейгана не застиг меня врасплох. Ответ на них был острым и решительным»¹⁰⁴. «Говорят, верьте нам, что если американцы первыми реализуют СОИ, то они поделятся с Советским Союзом. Я сказал тогда: “Господин Президент, призываю Вас, поверьте нам, мы уже об этом заявили, что не применим первыми ядерного оружия и не нападём первыми на Соединенные Штаты Америки. Почему же вы, сохраняя весь наступательный потенциал на Земле и под водой, еще собираетесь развернуть гонку вооружений в космосе? Вы нам не верите? Выходит, не верите. А почему мы вам должны больше верить, чем вы нам?”»¹⁰⁵ Не возымели действия и намеки Рейгана на готовность поделиться

технологиями уже сейчас: «Если будет достигнута договоренность о запрещении выводить оружие в космос, мы готовы на взаимной основе открыть наши лаборатории для контроля такой договоренности. А нам предлагают вроде бы: давайте откроем лаборатории и будем контролировать, как идет гонка вооружений в космосе. Наивность это, да и исходный пункт — порочный и неприемлемый»¹⁰⁶. Таким образом, идея создания совместной советско-американской космической противоракетной системы была отброшена без обсуждения. По мнению Горбачева, «если бы были открыты двери для оружия в космос, то масштабы военного соперничества неизмеримо возросли бы и гонка вооружений приняла бы — это определенно можно уже сейчас предсказать — необратимый характер, и она вышла бы из-под контроля. У каждой стороны в этом случае на любой момент было бы ощущение, что она что-то проигрывает, и она стала бы лихорадочно искать все новые и новые способы ответа, а это все бы подстегивало гонку вооружений...»¹⁰⁷ Но такая ситуация в советско-американских отношениях существовала уже с конца 70-х гг.

Дальнейшая перспектива рисовалась Горбачевым в фантастически-катастрофических тонах: «Давайте себе представим — и мы это сказали американской стороне, — к каким последствиям приведет даже случайное столкновение в космосе. Скажем, что-то отделилось от ракеты, пошла, так сказать, головная часть, а несущая часть отвалилась и столкнулась с какой-то группировкой этого космического оружия. Пойдут сигналы, это будет воспринято чуть ли не как попытка с другой стороны — я при этом даже не говорю — с нашей или с чьей, — уничтожить это оружие. Включаются все компьютеры, а политики вообще ничего не могут в этом случае предпринять разумного»¹⁰⁸. Чем не сюжет фантастического фильма о начале ядерного апокалипсиса (в первой половине 80-х гг. такие фильмы были созданы и в США, и в СССР). Но, увы, вероятность подобного развития событий была весьма велика.

Горбачев пытался пугать Рейгана тем, что СССР предпримет ответные шаги в области гонки вооружений: «В США, видимо, считают, что сейчас американцы имеют некоторый отрыв от нас в некоторых видах технологии... Опять возникает желание, ухватившись за это “преимущество”, добиться для себя военного превосходства. Опять в ходу известная фраза президента Джонсона, который сказал, что та нация, которая будет господствовать в космосе, будет господствовать и на Земле... Так вот, если говорить об этом так называемом технологическом превосходстве, которое имеется в виду реализовать в СОИ и тем поставить Советский Союз в затруднительное положение, то хочу сказать — это очередное заблуждение. Ответ будет найден»¹⁰⁹. И десять лет спустя Горбачев настаивал: «Я и сегодня не могу полностью посвятить читателя в некоторые детали. Но заявляю ответственно: это был не “блеф”, проработки показывали, что ответ на СОИ мог действительно быть таким, о каком мы предупреждали»¹¹⁰. Но даже если это так (Горбачев мог довериться и слишком оптимистичным докладам «специалистов» ВПК), новая программа была бы очень дорогостоящей и нанесла бы чувствительный (если не решающий) удар по планам Горбачева эконо-

номить на военных программах. Поэтому Горбачев «давил» на собеседника из всех сил.

«Потом Д.Риган — “начальник штаба” Белого дома — в неофициальной беседе сказал, что с Рейганом еще никто не разговаривал так прямолинейно и с таким нажимом, как Горбачев»¹¹¹, — вспоминают С.Ахромеев и Г.Корниенко. «Горбачев оказался крепким орешком. Я — тоже», — вспоминал сам Рейган¹¹². Два «орешка», замкнутые в идеологической скорлупе, еще не были готовы договориться, но они согласились провести в скором будущем встречи сначала в Вашингтоне, а затем в Москве. Было ясно, что «замораживание» диалога 1980—1984 гг. осталось в прошлом.

В Женеве было подписано предварительно согласованное соглашение об обменах и контактах в области науки, образования и культуры. На вопрос писателя Ю.Семенова о том, не пора ли американцам пересмотреть их предвзятое мнение о советских гражданах, Горбачев ответил: «Вот что я вам скажу, товарищ Семенов. Не взваливайте все на политических лидеров. Мы договорились о расширении культурных контактов — ...вот вы и встречайтесь, и договаривайтесь друг с другом»¹¹³. Начиналась эпоха массового прямого общения людей разных «систем» между собой, эпоха избавления от старых мифов друг о друге и создания новых.

Но в центре внимания лидеров двух стран по-прежнему оставалась проблема ракетно-ядерного вооружения, и они не хотели покинуть Женеву, не подписав хотя бы декларацию по этому поводу. Рейган разделял мысль Горбачева о том, что «вопросы выживания поставлены в центр мировой политики»¹¹⁴, что идеологические споры меркнут перед угрозой уничтожения цивилизации. Предложение Горбачева сократить стратегические вооружения наполовину, воспринимавшиеся прежде Рейганом как пропагандистская игра, постепенно становились предметом конкретного обсуждения. Рейгану было нелегко обосновывать идею о том, что СССР имеет превосходство в ядерных вооружениях. Горбачев пытался убедить его даже в том, что «меньшая безопасность Соединенных Штатов Америки по сравнению с Советским Союзом была бы нам невыгодна, так как это вело бы к недоверию, порождало бы нестабильность»¹¹⁵. Увы, эксперты двух стран пользовались разными критериями в оценке вооружений.

Разногласия рабочих групп не позволили согласовать текст итогового коммюнике к последнему дню переговоров. Узнав об этом, Горбачев решил работать ночью — ему было нужно привезти в Москву текст совместного заявления, продемонстрировать реальный успех переговоров. «Текст читал Корниенко, Горбачев же по ходу читки высказывал свои предложения и замечания, давал новые, более гибкие формулировки. К двум часам ночи новый текст был в основном готов»¹¹⁶. Подняв с постели Шульца, Шеварднадзе принялся согласовывать с ним текст. Под утро удалось согласовать большинство положений¹¹⁷.

В итоговом заявлении провозглашалось, что ядерная война никогда не должна быть развязана, что обе стороны стремятся к 50%-ному сокращению ядерных вооружений, к запрещению химического оружия. Подчеркнув, что оба руководителя «достигли лучшего понимания позиций друг друга», за-

явление констатировало, что «ядерная война никогда не может быть развязана, в ней не может быть победителей»¹¹⁸. Конечно, это были лишь общие слова, но на основе женевского заявления строились дальнейшие переговоры, позволившие действительно покончить с ядерной гонкой. Не случайно, что уже на этапе разработки совместного заявления возникли трения между представителями обеих делегаций. «После длительных дискуссий, затянувшихся далеко за полночь, — вспоминают С.Ахромеев и Г.Корниенко, — американская сторона согласилась включить в совместное заявление и положение, воспроизводящее советско-американское заявление от 8 января 1985 г., относительно предмета и целей женевских переговоров: предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее на Земле, ограничить и сократить ядерные вооружения и укрепить стратегическую стабильность»¹¹⁹. Это означало важный моральный успех советской стороны, уязвившей разоружение на Земле с отказом от военно-космических программ.

В ответ Горбачев также был готов идти на уступки в «мелочах», когда переговоры утром все же зашли в тупик из-за деталей. Горбачев вспоминает о завершающей стадии работы над текстом заявления: «Появляются переговорышки, докладывает Корниенко. Шульц резко реагирует на слова нашего замминистра, между ними завязывается перепалка. Корниенко буквально нависает надо мной сзади и высказывается очень жестко, в раздраженном тоне. Шульц, обычно спокойный и уравновешенный, на этот раз буквально взорвался: “Господин Генеральный секретарь, вот в таком духе у нас идет работа. Разве мы так достигнем чего-то?”»¹²⁰ «Джордж Шульц был сильно рассержен этими новыми изменениями, — вспоминает Р.Рейган. — Он утверждал, что советская сторона несет ответственность за возникшую проблему, и обратился прямо к Горбачеву: “Господин генеральный секретарь. Этот человек не соблюдает договоренности, достигнутой ранее вами и президентом Рейганом, и, если мы не придем к соглашению, это будет его вина”»¹²¹. «“Разве можно достичь каких-то результатов с такими людьми?!” — Шульц кивнул в сторону Корниенко, бывшего тогда заместителем министра иностранных дел, — вспоминает начальник охраны Горбачева В.Медведев — “А в чем дело?” — спросил Горбачев. Подошел Корниенко, который, как выяснилось, не соглашался поправить какую-то незначительную фразу»¹²².

«Мы с Рейганом наблюдаем всю эту сцену. Президент говорит: “Давайте ударим кулаком по столу”. Я говорю: “Давайте ударим”»¹²³, — рассказывает Горбачев. Столкнувшись с нервной реакцией Государственного секретаря, Генеральный секретарь решил уступить. «Ударить по столу» пришлось именно ему. «Не моргнув и глазом, Горбачев повернулся к своему человеку и сказал: “Делайте так, как мы говорили”, — показывая тем самым, что он человек, уверенный в себе и в своей власти», — вспоминает Рейган¹²⁴. «Горбачев тут же сказал Шульцу, что согласен с предложением американской стороны. А после выговорил Корниенко, что в важных вопросах нельзя заниматься крючкотворством, что одно несущественное слово может погубить серьезное дело», — пишет Медведев¹²⁵.

Рассказывая об этом конфликте, Горбачев отрицает, что уступил американцам сразу. Но ничем не связанные между собой свидетели утверждают обратное. Вероятно, Горбачев все же уступил в некоторых деталях сразу же, а затем, устроив разнос своим дипломатам, снял и остальные разногласия в пользу американской стороны: «Договорившись, быстро разошлись. Я пригласил своих, спрашиваю, в чем дело? Судя по тону Корниенко и его поведению, можно было подумать, что речь идет о коренных разногласиях, угрозе серьезного ущерба нашим интересам. Докладывает Бессмертных, и оказывается, что все сводится к спору о словах. Сняли проблему»¹²⁶.

БЕССМЕРТНЫХ Александр Александрович

*1933 г. рождения. Закончил Московский государственный институт международных отношений, кандидат юридических наук. Работал референтом, старшим референтом, атташе отдела печати МИД СССР, сотрудником секретариата ООН (1960—1966 гг.), вторым, затем первым секретарем секретариата министра иностранных дел (1966—1970 гг.). В 1970—1983 гг. — первый секретарь, советник, советник-посланник Посольства СССР в США. В 1983—1986 гг. — член коллегии МИД СССР, заведующий отделом США МИД СССР. В 1986 г. Бессмертных назначили замминистра иностранных дел, в 1988 г. (после ухода Корниенко) — первым заместителем министра. В 1990—1991 гг. Бессмертных — посол в США. С января по август 1991 г. — министр иностранных дел СССР. После августовских событий 1991 г. подал в отставку. С марта 1991 г. — президент внешнеполитической ассоциации. Член КПСС в 1963—1991 гг., член ЦК КПСС в 1990—1991 гг.*¹²⁷

Проблемы, возникшие по поводу возобновления рейсов Аэрофлота, прекращенных в 1983 г., Горбачев снял по телефону. «Еще что? А ничего. Так за пятнадцать минут решили все “проблемы”. Не могу даже написать здесь это слово без кавычек. Таков был стиль нашей дипломатии. Главное — демонстрировать непреклонность. Жесткость ради жесткости»¹²⁸. Эти слова Горбачева несправедливы — среди дипломатов были разные люди, и даже этот эпизод показывает наличие более жесткого (Корниенко) и более мягкого (Бессмертных) стилей докладов.

Хотя нельзя забывать и о том, что «слова» в формулировках, вокруг которых кипела дипломатическая борьба в 1979—1985 гг. (о которой Горбачев имел весьма смутное представление), уже перестали быть просто «словами», зажили самостоятельной жизнью и означали вполне «материальные» вещи. Сдача «слов» могла означать сдачу позиций. Но ставки Горбачева были выше, и он решил пожертвовать пешкой ради конечного успеха. Это была рискованная игра, и последствия такого стиля еще скажутся позднее. Американцы пытались давить на Горбачева непосредственно, в обход «бюрократов», то есть специалистов МИДа. Эту линию президент США будет потом развивать в своих письмах к Горбачеву: «Наше лидерство не будет эффективным, если мы не возвысимся над частными, но второстепенными вопросами, которыми столь загружены наши соответствующие чиновники,

и не придадим нашим обоим правительствам сильный толчок в верном направлении»¹²⁹.

Попытки Горбачева «рубить гордые узлы» быстро стали вызывать недовольство в руководстве ведомств, связанных с обороной и внешней политикой. По словам маршала Ахромеева: «Через довольно короткое время мне показалось, что многие решения новым руководством недостаточно глубоко продумываются, слишком легко принимаются, проявляется при этом небольшая самоуверенность»¹³⁰.

Однако на самой встрече недовольство аппарата Генсеком еще не проявлялось. Г. Корнеев вспоминает: «Было по-настоящему радостно видеть в Женеве в деле нового советского руководителя — живо мыслящего, хорошо владеющего предметом переговоров, четко представляющего, чего он хочет добиться от собеседника, и умеющего заставить его поверить в искренность своих слов, если и не согласиться с ними.

Все это было тем более очевидно, поскольку другую сторону на этот раз представлял человек, во многом напоминавший Брежнева последних лет его жизни. Рейган говорил с помощью колоды заготовленных карточек, оказывался беспомощным, если нить разговора заставляла его отрываться от заготовок. Он становился раскованным и говорил свободно только тогда, когда начинал рассказывать — иногда к месту, а чаще нет — какие-нибудь истории и анекдоты»¹³¹. По мнению Д. Ньюхауса, «за пять часов бесед со своим оппонентом Горбачев обнаружил человека, сочетавшего огромную добрую волю в вопросах, касавшихся ядерных вооружений, с неимоверным невежеством в этих вопросах»¹³².

Подводя итог встрече, Горбачев заявил, что «надо быть реалистами и прямо сказать: решения важнейших вопросов, связанных с задачей прекращения гонки вооружений и укрепления мира, на данной встрече найти не удалось, между нами продолжают оставаться крупные разногласия по принципиальным вопросам. Однако мы с Президентом условились, что работа по поиску взаимоприемлемых решений этих важнейших вопросов будет настойчиво продолжена здесь, в Женеве, нашими представителями... Договоренность о всех этих предстоящих обсуждениях мы считаем полезной»¹³³.

Не случайно, что именно в Женеве Горбачев впервые сформулировал принципы своей доктрины «нового мышления», на существование которой намекал и раньше. По словам Горбачева, «новое мышление» предполагает, «чтобы современную политику любого государства питали реальности нынешнего мира». Другой принцип — «Нужен диалог, необходимо сотрудничество, требуется сложение сил». «Новое мышление» предполагало, что «самый главный вопрос — и я к нему возвращаюсь — надо сделать все, чтобы остановить гонку вооружений». И, наконец: «Я убежден, что со старым подходом, замкнутым на сугубо эгоистических интересах — хотя это и подается как защита национальных интересов, — не будет движения вперед»¹³⁴. Таким образом, «новое мышление» означало приоритет задачи предотвращения гонки вооружений, реализм, стремление к сотрудничеству и диалогу, альтруизм в международных отношениях. Собственно, ничего нового в этих принципах не было. Как признал позднее Э. Шеварднадзе: «Уже

в самом факте создания ООН был заключен зародыш нового политического мышления... По существу, все послевоенное десятилетие есть не что иное, как борьба косных политических воззрений с народившимся в муках войны новым политическим мышлением»¹³⁵. Принципы, которые позднее будут связываться с «новым мышлением», мелькали в речах советских руководителей и раньше. Новым было стремление действовать в этом направлении.

Американцы поверили, что Горбачев готов не только говорить, но и действовать. «Я считаю себя хорошим знатоком актерского мастерства, — говорил Рейган по возвращении из Женевы, — я не думаю, что он играл. Я уверен, что он столь же искренен, как и мы, в поиске ответа»¹³⁶. По мнению критически настроенного к президенту журналиста «Вашингтон пост» Х.Джонсона, после возвращения из Женевы «он был исключительно реалистичен и, что, возможно, самое главное, говорил о Советском Союзе в примирительном и уважительном тоне»¹³⁷.

Д.Рестон объяснял такую перемену в настроении президента «естественным для большинства президентов и тем более — для большинства актеров стремлением к хэппи-энду — счастливому концу заключительного акта пьесы»¹³⁸. Но до хэппи-энда еще нужно было дожить — пока пьесы лишь начиналась. В письме к Горбачеву 28 ноября Рейган продолжал убеждать коллегу в том, что «мы не ведем никаких работ по созданию оружия для размещения в космосе», и предлагал разработать методы контроля за работами по СОИ¹³⁹. Горбачев обращал внимание президента на то, что «оборонительные» космические аппараты могут быть использованы и в наступательных целях: «Ведь космические ударные вооружения — это универсальное оружие... Они способны — это подтверждают ваши и наши специалисты и ученые — в кратчайшие сроки в массовом количестве и избирательно уничтожать удаленные на тысячи миль объекты как в космосе, так и из космоса»¹⁴⁰. Конечно, эта фантастическая картина действительно могла выглядеть пугающе, но все же она была скорее ораторским приемом — подлинным кошмаром кремлевского руководства оставалась перспектива парализации ядерных сил СССР «оборонной инициативой». Вот тогда Советский Союз действительно стал бы беззащитным.

Рейган пытался «давить» на Горбачева также в вопросах освобождения политзаключенных, вывода войск из Афганистана, поддержки Советским Союзом режима Каддафи, «чье безрассудное поведение представляет собой главную угрозу стабильности в регионе»¹⁴¹ и др. Но здесь Горбачев не собирался уступать. На встрече с Каддафи Горбачев подтвердил дружественность Ливийскому режиму и обрушился на Израиль за налет на столицу суверенного Туниса¹⁴². Отвечая Рейгану, Горбачев писал: «Помощь оказываем и мы, и вы. Зачем применять тут двойной стандарт, утверждать, что советская помощь — это источник напряженности, а американская — благодеяние?»¹⁴³ По поводу диссидентов и «отказников» позиция Горбачева тоже пока оставалась неизменной: «Видимо, нет необходимости повторять, что вопросы, о которых идет речь, относятся к внутренней компетенции нашего государства и что они решаются в строгом соответствии с законами»¹⁴⁴.

Первый раунд мировой идеологической схватки Горбачев выиграл — Генеральная ассамблея ООН приняла в ноябре резолюцию в поддержку моратория на ядерные испытания, а в декабре — против вывода вооружений в космос. «Третий мир» склонялся на сторону СССР в его дискуссии с США. И несмотря на то, что сложными оставались отношения СССР с Китаем, что продолжалась война в Афганистане, позиции Советского Союза в развивающихся странах были пока еще очень прочны. В августе 1985 г. визит Р.Ганди в Москву подтвердил традиционно близкие отношения СССР и Индии. Несмотря на острую критику США помощи «международному терроризму» со стороны СССР, Горбачев встретился с М.Каддафи.

Даже в Женеве Горбачев пытался «вбить клин» между США и «Третьим миром»: «Если сегодня Мексика, Бразилия и ряд других государств не могут платить не только долги, но и проценты по ним, то можно себе представить, какие процессы происходят в этих странах. Это может накалять обстановку, привести к взрыву. И что, тогда тоже будут говорить о “руке Москвы”»¹⁴⁵. В своих выступлениях Горбачев опирался на призыв лидеров Индии, Мексики, Аргентины, Танзании, Греции и Швеции к лидерам супердержав заморозить наращивание ядерных вооружений, направленное Горбачеву и Рейгану в канун Женевской встречи. «Мы высоко ценим их инициативу»¹⁴⁶, — заявил Горбачев, но снова сослался на неуступчивость другой стороны. Советский лидер пытался также заинтересовать нейтральные страны в разоружении и материально: «Мы сможем освободить огромные средства для того, чтобы прийти на помощь развивающимся странам»¹⁴⁷. Увы, через несколько лет помогать придется стране Горбачева. Именно в «Третьем мире» СССР потерпел в 1985 г. крупнейшее поражение, которое самым пагубным образом скажется на состоянии советской экономики. В августе Саудовская Аравия увеличила добычу нефти в три раза. Это решение было принято под сильным давлением Запада. «Для Соединенных Штатов... снижение цен на нефть и нефтепродукты было манной небесной — американским потребителям дарили десятки миллиардов долларов. Для Кремля любое снижение цен было ударом по экономике», — пишет П.Швейцер¹⁴⁸. Аравия была готова идти на уступки США в обмен на гарантии ее безопасности, которой, как казалось саудовскому режиму, угрожали СССР из Афганистана, Иран, Ирак и Израиль. Президент США обеспечил поставки Аравии сверхсовременных ракет «Стингер» и создание на ее территории современной системы защиты от воздушных ударов «Щит мира». «Мы продали саудовцам все это оружие, чтобы снизить цены на нефть»¹⁴⁹, — вспоминал Уайнбергер. Кейнси в разговоре с саудовским королем Фахдом указывал на то, что если не снизить цен на нефть, «наступит конец хозяйственному оживлению в США»¹⁵⁰. «Чудо рейганомики» нуждалось в искусственной сырьевой подпитке.

В первом квартале 1984 г. сальдо торговли СССР по заниженным данным ЦРУ составило плюс 700 миллионов долларов, в первом квартале 1985 г. — минус 1400 миллионов долларов. В 1985 г. СССР удвоил продажу золота¹⁵¹. Цены на нефть упали с ноября 1985 г. до апреля 1986 г. с 30 до 12 долларов за баррель. Эти потери были наибольшим ущербом ото всех дей-

ствий США и составили в год 13 миллиардов долларов¹⁵². Катастрофических последствий они не имели, так как были покрыты продажей золота и европейскими кредитами, но проведение реформ в дальнейшем проводилось в условиях дефицита средств.

Говоря о своеобразии политики разных стран мира (прежде всего «Третьего мира»), Горбачев пытался «отбить» обвинения в нарушениях прав человека ссылками на суверенитет: «Кому-то эта политика нравится или не нравится, но она отражает внутренние процессы, интересы того или иного народа, кому и принадлежит суверенное право»¹⁵³. Отстаивая плюралистичную картину мира, в которой наряду со сверхдержавами действуют десятки других стран, Горбачев еще не хотел (или не мог) замечать, что «суверенный народ», а точнее — суверенный государственный режим, может устанавливать в стране бесчеловечные порядки, терпимость к которым сама по себе была вызовом цивилизованности. Но ведь среди союзников СССР (впрочем, и США тоже) были и подобные режимы (КНДР и Сальвадор, например). Терпимость и плюрализм на международном уровне оборачивались угнетением и кровопролитием на уровне «внутренних процессов». Позднее, когда право суверенитета, возведенное в абсолют, начнет приводить к аппартеиду и кровопролитию уже на территории СССР, Горбачев провозгласит верховенство «общечеловеческих ценностей» и гражданских прав над правами этноса. Но к этому времени его влияние в стране уже будет стремительно падать. А пока полигоном грядущих гражданских войн на территории СССР оставался Афганистан.